

УДК 821.511.1:81.511.131(045)

**СЕМАНТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА
В ПОВЕСТИ УДМУРТСКОГО ПРОЗАИКА Г. ПЕРЕВОЩИКОВА
«В ПОРУ ЦВЕТЕНИЯ ЗЕМЛЯНИКИ»**

**SEMANTIC LEVEL OF LANGUAGE STRUCTURE IN «WHEN STRAWBERRIES
ARE IN BLOSSOM» STORY BY UDMURT PROSE WRITER G. PEREVOSCHIKOV**

Е. А. Булычева, Т. И. Зайцева

E. A. Bulycheva, T. I. Zaytseva

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы языка современного удмуртского прозаика Г. К. Перевощикова, раскрыты особенности организации структуры текста в повести «В пору цветения земляники» на семантическом уровне.

Abstract. The article deals with the language of the modern Udmurt prose writer G. K. Perevoschikov, reveals the features of the semantic level of the text structure in «When strawberries are in blossom» story.

Ключевые слова: *удмуртская проза, удмуртский язык, язык писателя, художественный текст, лингвистический анализ текста.*

Keywords: *Udmurt prose, Udmurt language, language, literary text, linguistic analysis of the text.*

Актуальность исследуемой проблемы. Возросший интерес современной науки к литературно-языковой культуре народов России обуславливает новые аспекты изучения творчества национальных писателей. Новая направленность в исследовании творческой индивидуальности писателя определена ориентацией науки на языковую личность автора, обращенного к познанию мира и человека как главного идейно-эстетического объекта художественного слова, на постижение структурно-семантической организации художественного текста, способов и методов его смысловой интерпретации. Анализ особенностей организации структуры художественного текста на семантическом уровне – одна из актуальных задач современной удмуртской филологии.

Материал и методика исследований. Исследование проводилось на материале художественного текста повести Г. Перевощикова «Узы сяськаян вакытэ» («В пору цветения земляники», 2002). Опираясь на филологические исследования К. А. Долинина [3], И. Р. Гальперина [1], Л. А. Новикова [7], П. Е. Суворовой [10] и др., мы определили методику анализа повести как логичное рассмотрение литературного и лингвистического уровней художественного текста, дающее возможность проникнуть в смысловую глубину произведения. В работе использованы системный, типологический, концептуальный методы анализа.

Результаты исследований и их обсуждение. Включением в языковой анализ произведения явилась общая характеристика художественного содержания текста. Языковому анализу подвергается типовой эпизод повести Г. Перевощикова «В пору цветения земляники», раскрывающий характерные средства его языкового выражения.

Творчество удмуртского прозаика Г. К. Перевощикова (1937), его художественные искания концентрируют в себе и наиболее объективно отражают идейно-эстетические процессы, характерные для удмуртской прозы на разных этапах ее исторического развития. Языковой дар, мастерство писателя позволили ему в изменившейся литературной ситуации современности реализовать в своих произведениях новаторские художественно-изобразительные приемы, сыграть важную роль в развитии национальной языковой культуры. Внимание читателя к творчеству писателя усилено тем, что в 2005 году повесть Г. Перевощикова «В пору цветения земляники» была отмечена главной литературной премией общества М. А. Кастрена (Финляндия).

Герой повести, интеллигент-удмурт, находясь в пограничной ситуации между жизнью и смертью, вступает в диалог с самим собой, в нем пробуждается осознание себя как личности. В художественном раскрытии напряженной внутренней жизни человека для писателя особо важным становится воссоздание различных ситуативных контекстов посредством внутренних взаимосвязей элементов текста, обеспечивающих его смысловую целостность. Следует заметить, что некоторые удмуртские филологи язык произведений Г. Перевощикова оценивали достаточно негативно, укоряли писателя за введение в речь персонажей диалектизмов северного удмуртского говора, за нетрадиционную композиционно-речевую организацию текста и др. Характерна в этом ряду статья Б. Каракулова с весьма показательным названием «Музьемлы сьяна кыллы но йыбырттоно: "Йыбыртты музьемлы" трилогилэн кылыз пумысен коня ке малпанъес» («Кроме земли надо и слову поклониться: некоторые размышления о языке трилогии "Поклонись земле" Г. Перевощикова») [6]. Между тем, писатель «придал большое значение ударно-смысловому слову фразы, что позволило ему выразить то медлительность, то торопливость речи персонажа, сделать фразу прерывистой, короткой, создавать неожиданные ассоциативные связи» [4].

На примере фрагмента повести рассмотрим особенности языка писателя: *Зазырес куараез утыр пуксьыса, лябомыса, Юрий Сергеевич выльысь чалмиз. Зэм, синдуръесыз али оз подиське. Соин ик со адзиз: татчыозь кынмем кадь сьлэм, пал кыл но верамтэ Лизаезлэн бур кыыз ас кожаз выллем нылызлэн кусказ зыгыртиськиз но, бадзымак усьтиськыса былкьмем синъесыз вузектизы. Оз, со али но оз вырзылы, номыр оз вазылы – курыт синву шапыкъесыз гинэ кодэктэм бамъесыз вылти шарак питыразы но отияз чурен-чурен оръяськызы. Ма, бордаз жиптиськем Машазы но озы ик куаратэк бордиз – тудзем синвузэ шодылытэк, вогыръяськись ымдуръесэ куртчылыса* [8, 324] 'Как только его сильный, слабый голос скоро осел, Юрий Семенович вновь затих. Правда, прорези его глаз теперь не сомкнулись. Он увидел: правая рука Лизы, до сих пор стоявшей словно застывшая и ни слова не проронившей, словно сама по себе обвила талию дочери, а ее широко раскрытые глаза стали мокрыми. Нет, она и сейчас стояла неподвижно, ничего не произносила – только горькие слезы быстро скатились по ее бледным щекам, капельками покатались и струйками-струйками разлились. Да, и прижавшаяся (к матери) Маша также плакала без голоса – не чувствуя своих слез, кусая трясущиеся губы' (букв. перев.).

Связность текста на уровне семантики характеризуется тематическим повтором концептуальной группы слов, указывающих на внутреннее состояние героя, чувствующе-

го близкую смерть, свой уход в иной мир. В этом ряду особо важную нагрузку несут глаголы и глагольные конструкции: *Куараез пуксьыса, лябомыса... чалмиз* 'сиплый, слабый голос ... затих', *адзиз* 'увидел', *былькэм синъесыз вузектизы* 'широко раскрытые глаза стали мокрыми, *оз вырзылы* 'стояла неподвижно', *оз вазьылы* 'не произносила', *синвуосыз шапыкен птыразы – оръяськызы* 'слезы капельками покатились и струйками разлились', *куаратэк бордиз, синвуоссэ шодтэк ымдуръессэ куртчылыса* 'плакала без голоса – не чувствуя слез, кусая трясущиеся губы'. Употребляются как положительные, так и отрицательные формы глаголов прошедшего времени.

Глагол «плакать» варьируется в тексте неоднократно, указывая на безутешное горе присутствующих людей при смерти близкого им человека.

Процесс усиления внутреннего драматического состояния человека выражен через следующий ряд глаголов: *вузектизы* 'повлажнели', *птыразы* 'покатились', *оръяськызы* 'разлились', *бордиз* 'плакал', но в то же время на звуковом уровне происходит противоположное. Так, если в начале эпизода указывается *зазырес куараез пуксьыса* 'сиплый, слабый голос', то в конце – *куаратэк бордиз* 'букв. плакал без голоса', что воссоздает полную тишину, воцарившуюся в палате больницы. Дейктические повторы в данном тексте более характерны для местоимения (Юрий Сергеевич ...со (он) ...со (он)), чем для глаголов.

С точки зрения текстообразующих грамматических связей в рассматриваемом фрагменте повести Г. Перевощикова примечательна грамматическая семантика глаголов, выраженная в приведенном отрывке глаголами прошедшего времени и единством грамматических форм 3-го лица: *чалмиз* 'замолчал', *бордиз* 'плакал', *оз вырзылы* 'не шевельнулась', *оз вазьылы* 'не произносила'.

Казалось бы, для усиления сиюминутности впечатлений Г. Перевошиков мог активно использовать глаголы настоящего времени, наиболее ярко воспроизводящие картину расставания героя с «белым светом». Однако использование глаголов прошедшего времени создает прагматический аспект связности текста, который будто бы «запрограммирован» автором, обусловлен его творческим замыслом. Особо важно то, что автор деепричастный оборот отделяет не запятой, а вопреки законам пунктуации удмуртского языка употребляет тире, тем самым усиливая неполноту синтаксической конструкции.

Ма, бордаз життиськем Машазы но озьы ик куаратэк бордиз – тудзем синвузэ шодылытэк, вогыръяськысь ымдуръессэ куртчылыса. 'Да, прижавшаяся (к матери) Маша также плакала без голоса – не чувствуя своих слез, кусая трясущиеся губы'.

Поскольку основной коммуникативной функцией текста является передача и хранение информации, здесь связность – смысловая, получающая эксплицитное языковое выражение. Анализ литературного текста в данном аспекте представлен в работах Е. А. Захаровой [5], Л. И. Петриевой, Е. С. Ерастовой [9], М. В. Ганина [2], теоретические выводы которых подтверждает рассматриваемый нами материал эпизода повести Г. Перевощикова «Узы сяськаян вакытэ» посредством наблюдений за типом структуры языка и выражением смысла текстовых компонентов.

Резюме. Филологический анализ художественного текста, вопросы исследования языка и стиля писателя остаются в удмуртском литературоведении и лингвистике наиболее неразработанными областями науки. Представленная статья может положить начало объединению усилий литературоведов и языковедов в разработке новых учебных курсов и дисциплин, направленных на лингвостилистическое изучение произведений удмуртской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 138 с.
2. Ганин, М. В. Универсум стихотворения В. Хлебникова «Времышы-камышы»: актуализация динамизированного пространства «священного шума» / М. В. Ганин // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 4 (72). Ч. 2. – С. 25–31.
3. Долинин, К. А. Интерпретация текста / К. А. Долинин. – М. : Просвещение, 1985. – 304 с.
4. Зайцева, Т. И. Генрих Перевощиков и современная удмуртская проза: суть перемен / Т. И. Зайцева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2008. – № 2 (2). – С. 121–124.
5. Захарова, Е. А. Семантико-стилистическая трансформация сакральной лексики в поэзии Роберта Рождественского // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 3 (71). Ч. 2. – С. 83–89.
6. Каракулов, Б. И. Музьемлы сяна кыллы но йыбырттоно. «Йыбыртты музьемлы» трилогилэн кылз пумысен коня ке малпанъёс / Б. И. Каракулов // Молот. – 1984. – № 7. – С. 41.
7. Новиков, Л. А. Художественный текст и его анализ / Л. А. Новиков. – Изд. 2-е, исправленное. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
8. Перевощиков, Г. К. Шелеп: повестьёс, верос = Жестокосердие: повести, трилогия / Г. Перевощиков ; пер. с удм. В. Л. Емельянова. – Ижевск : Удмуртия, 2004. – 464 с.
9. Петриева, Л. И. Аксиологический подход к изучению повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель» в школе / Л. И. Петриева, Е. С. Ерастова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 2 (70). Ч. 2. – С. 191–198.
10. Суворова, П. Е. Ментальное пространство как код модели мира / П. Е. Суворова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 4 (72). Ч. 2. – С. 157–160.
11. Художественный текст: Структура. Язык. Стиль / И. М. Вознесенская, И. Г. Гулякова, М. Я. Дымарский и др. ; под ред. К. А. Роговой. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1993. – 182 с.